

Нѣсколько случаевъ изученія иностранныхъ языковъ русскими людьми во второй половинѣ XVI в.

Въ январѣ 1551 г. царь Иванъ IV писалъ цареградскому патріарху Діонисію, что послалъ къ нему своего «паробка» Обрюту Михайлова сына Грекова, дабы патріархъ велѣлъ у себя учить его «грамотѣ греческой и языку» и, научивъ, прислалъ въ Москву. Обѣщая уплатить за прокормъ Обрюты, царь просилъ патріарха, если-бы у него оказалось Обрюту «научити невмѣстно», отослать его на Аѳонъ въ Пантелеймоновскій монастырь и велѣть тамъ «учити его пристойно и, науча», прислать въ Москву¹⁾. Одновременно съ этой грамотой къ патріарху царь послалъ грамоту и на Аѳонъ въ Пантелеймоновскій монастырь къ игумену съ братіей. Царь писалъ имъ, не выжидая отвѣта отъ патріарха, что шлетъ въ ихъ монастырь Обрюту, дабы они велѣли его въ своемъ монастырѣ учить греческому языку и грамотѣ и, по окончаніи ученія, отпустили въ Москву; царь обѣщалъ игумену съ братіей оплатить содержаніе Обрюты²⁾. Царь, такимъ образомъ, не сомнѣвался въ возможности обученія Обрюты греческому языку на Аѳонѣ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ.

На вопросъ, куда былъ посланъ для обученія греческому языку Обрюта, въ Царьградъ или на Аѳонъ, отвѣчаетъ всего прежде записъ въ Греческой посольской книгѣ; въ этой книгѣ отмѣчено, что Обрюта Михайловъ сынъ Грековъ отпущенъ былъ съ Москвы къ цареградскому патріарху учиться греческому языку и гра-

¹⁾ Архивъ Мин. Ин. Д. въ Москвѣ, Греч. пос. кн. № 1 л. 71. «Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церк.» I стр. 69. СПб. 1858 г. Проф. Терновскаго. «Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси.» II стр. 21. Кіевъ 1876 г.

²⁾ Греч. пос. кн. № 1 л. 72 и об.

мотѣ съ купцомъ грекомъ Адріаномъ¹⁾. Этотъ Адріанъ пріѣхалъ въ Москву съ грамотой къ царю отъ турецкаго султана въ 1550 г., а 8 марта 1551 г. отпущенъ былъ царемъ съ Москвы²⁾.

Обрюта, въ мартѣ 1551 г. посланный въ Царьградъ, обучался греческому языку, какъ видно изъ грамоты Ивана IV къ цареградскому патріарху Іоасаѳу, преемнику Діонисія, писанной въ январѣ 1557 г., въ Царьградѣ. Царь писалъ преемнику патріарха Діонисія: «послалъ есми къ преже бывшему патріарху Діонисію учить грамотѣ греческой и языку паробка своего Обрюту, и тыбѣ его прислалъ къ намъ»; царь наказывалъ патріарху прислать Обрюту съ архимандритомъ суздальскаго Евѳиміева монастыря Феодоритомъ, котораго посылалъ въ Царьградъ за грамотою, подтверждавшею его царское вѣнчаніе³⁾. Въ Москвѣ полагали, что Обрюта, посланный для обученія греческому языку въ мартѣ 1551 г., къ 1557 г. могъ окончить курсъ своего ученія. Отвѣтъ патріарха полученъ былъ въ Москвѣ въ декабрѣ 1557 г. Патріархъ писалъ царю: «вѣрнаго твоего раба хотимъ послати къ тебѣ Феодора Михайлова Мамалаха; держали есмя его поучитись ему и наказатись ему и, подщався, научился отчасти Еллинской грамотѣ, во еже перевести ему грамоты, и какъ мы людей своихъ пришлемъ, и мы его пришлемъ»⁴⁾. Патріархъ, извѣщая объ этомъ царя, просилъ его пожаловать «Михайловыхъ дѣтей Грекова царьскимъ жалованьемъ» и устроить ихъ «для Бога и нашего ради челобитья»⁵⁾.

Изъ этой грамоты патріарха видно, что Обрюта, послѣ почти пятилѣтняго ученія въ Царьградѣ, научился «отчасти» греческому языку, такъ что могъ переводить грамоты. Въ патріаршей грамотѣ Феодоръ Михайловъ Грековъ названъ Мамалахомъ. Мамалаховымъ онъ названъ въ грамотѣ царя, посланной въ сентябрѣ 1558 г. къ цареградскому патріарху. Такъ какъ Ф. М. Грековъ, несмотря на обѣщаніе патріарха выслать его, не былъ въ Москвѣ еще въ сентябрѣ 1558 г., царь писалъ патріарху: «а что живетъ у тебя нашъ человекъ Обрюта Мамалаховъ, а уже де и языку вашему научился,

¹⁾ Тамъ же л. 71 об.

²⁾ Тамъ же лл. 37 и 67 об. Тур. пос. кн. № 1 лл. 392 и 394.

³⁾ Греч. пос. кн. № 1 л. 97.

⁴⁾ Тамъ же лл. 121 об.—122.

⁵⁾ Тамъ же лл. 124 об.—125.

и тыбъ его отпустилъ къ намъ часа того» ¹⁾). Царь спѣшилъ исползовать знаніе Обрюты.

Θ. М. Грековъ-Мамалаховъ, по возвращеніи въ Москву, былъ въ роли толмача. На него ссылался митрополитъ египетскій, въ 1562 г. привезшій Ивану IV соборную патріаршую грамоту о царскомъ вѣнчаніи. Митрополитъ говорилъ, что онъ приказывалъ царскому толмачу Ѳеодору Обрютѣ сказать его рѣчи митрополиту московскому Макарію ²⁾. Когда именно возвратился въ Москву Θ. М. Грековъ, изъ Греческой посольской книги не видно.

Θ. М. Грековъ былъ подданнымъ Ивана IV: царь его называетъ въ грамотѣ къ патріарху своимъ паробкомъ, а патріархъ въ грамотѣ къ царю — рабомъ его. Отправленъ былъ Грековъ для обученія греческому языку въ зрѣломъ возрастѣ: онъ былъ уже отцомъ семейства. Дѣти его, какъ можно заключить изъ приведенной выше грамоты патріарха къ царю, находились въ московскомъ государствѣ въ то время, когда онъ обучался въ Царьградѣ. Нѣтъ основаній думать, что разстался онъ съ своею семьею для добровольнаго обученія въ Царьградѣ. Не былъ ли Грековъ Мамалаховъ грекъ по происхожденію, и не потому ли онъ посланъ былъ въ Царьградъ? На мысль о греческомъ происхожденіи Обрюты можетъ навести русская его фамилія Грековъ и названіе цареградскимъ патріархомъ Мамалахъ, повторенное въ царской грамотѣ съ русскимъ окончаніемъ — Мамалаховъ. Но, если Грековъ и былъ грекъ по происхожденію, врядъ ли можно думать, что онъ свѣдушъ былъ въ греческомъ языкѣ до обученія этому языку въ Царьградѣ: послѣ почти пятилѣтняго пребыванія въ Царьградѣ въ роли ученика онъ «отчасти», по свидѣтельству патріаршей грамоты, научился греческому языку, но переводить грамоты могъ, а для этого его, слѣдуетъ думать, послали въ Царьградъ: московскому правительству надобны были въ сношеніяхъ съ православнымъ Востокомъ переводчики и толмачи.

За посылкою Обрюты въ Царьградъ для изученія греческаго языка, извѣстною изъ Греческой посольской книги, слѣдовала другая. Объ этой другой посылкѣ, уже двухъ московскихъ людей, узнаемъ изъ грамоты царя Ивана IV къ цареградскому патріарху Іереміи,

¹⁾ Тамъ же л. 147.

²⁾ Тамъ же л. 197 об. «Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церк.» Г стр. 116.

писанной въ сентябрѣ 1583 г. Изъ этой грамоты видно, что патріархъ жаловался на трудность обученія греческому языку двухъ присланныхъ къ нему московскихъ людей. «Писаль еси къ намъ, читаемъ въ царской грамотѣ къ патріарху, что прислали есмь къ тебѣ двоихъ робятъ Грязнушу Ушакова да Ѳедку Внукова для наученія греческого языку и грамотѣ, и ты ся за то имаешь, что ихъ тому промыслу учить съ великимъ трудомъ, что они возростомъ велики, а толко бы менши тѣхъ лѣтъ были, лѣтъ въ 10 или въ 12, и тѣхъ бы скорѣе въ наученье грамоты были, а тѣхъ нынѣ въ трудности великой учить и нужно есть страсть на нихъ положить, чтобъ они къ туркамъ не сбѣжали»... Царь отвѣчалъ патріарху въ сентябрѣ 1583 г. на грамоту, которая была писана никоимъ образомъ не ранѣе самаго начала 1583 г.: путь отъ Царьграда къ Москвѣ былъ не близкій и не легкій. Далѣе, патріархъ, какъ видно изъ царской грамоты къ нему, убѣдился въ великой трудности обученія Ушакова и Внукова, а для этого надобно было время; патріархъ даже успѣлъ познать настроеніе великовозрастныхъ «робятъ», о которомъ извѣстилъ царя: патріарху казалось, что ученики готовы сбѣжать отъ ученія къ туркамъ. Врядъ ли можно думать, что Ушаковъ и Внуковъ были посланы въ Царьградъ для науки позже середины 1582 г.; посылка ихъ можетъ быть отнесена ко времени болѣе раннему. Неуспѣшность присланныхъ учениковъ патріархъ объяснялъ тѣмъ, что они перерзѣли для ученія, и указывалъ царю, въ какомъ возрастѣ ученики болѣе воспріимчивы къ ученію. Въ грамотѣ патріаршей сквозить желаніе избавиться отъ присланныхъ учениковъ, патріархъ даже запугиваетъ царя своимъ опасеніемъ, что невольные ученики сбѣгутъ къ туркамъ, но царь не отказался отъ мысли обучить Ушакова и Внукова греческому языку. «Тыбѣ, святѣйшій патріархъ, отвѣтилъ царь, велѣлъ ихъ (Ушакова и Внукова) грамотѣ и языку учить и того надъ ними велѣлъ беречи, чтобы они учились пристанно, а что будетъ ихъ нужда, и тыбѣ ихъ велѣлъ покоити для насъ» ¹⁾).

Посылая грамоту къ патріарху съ настойчивымъ требованіемъ учить Ушакова и Внукова греческому языку, царь отправилъ сво-

¹⁾ Греч. пос. кн. № 2 лл. 29 об.—30. «Сношенія Россіи съ Востокомъ» I стр. 134.

его посланца Марка Сампсонова въ Царьградъ съ милостынею и съ деньгами для невольныхъ учениковъ. Въ наказной памяти царскому посланцу читаемъ: «послано съ нимъ 30 руб. денегъ, и Марку тѣ денги отдати въ Царѣгородѣ ученикомъ, которые посланы къ патріярху для ученья греческіе грамоты: Грязнушѣ Ушакову 17 руб., а Ѳеткѣ Внукову 13 руб., а дать имъ передъ патріярхомъ, а патріярху говорить, чтобъ пожаловалъ ихъ патріярхъ и оберегъ и учить ихъ велѣлъ, а воли не давалъ» ¹⁾.

Умеръ Иванъ IV, но въ Москвѣ не забыли о посланныхъ имъ въ Царьградъ ученикахъ. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ, отправляя своего посланника Бориса Благово къ турецкому султану въ августѣ 1584 г. съ извѣщеніемъ о смерти отца своего, послалъ съ Благово шубы и деньги Ушакову и Внукову. Въ Греческой посольской книгѣ записано: «Да съ Борисомъ же послано отъ государя къ Грязнушѣ Ушакову да къ Ѳеткѣ Внукову, которые учатца у патріярха греческой грамотѣ, по шубѣ бѣльей по хрептовой да по шубѣ по черевей челоуѣку да по 10 руб. денегъ». Передавая Ушакову и Внукову государево жалованье, Благово долженъ былъ, по наказу, сказать имъ, «чтобъ они училися греческому языку и грамотѣ съ радѣньемъ, пристойно, а не гуляли, и патріярхабы во всемъ слушали, чтобъ грамотѣ изучитись вскорѣ». Благово наказано было и «патріярху Еремѣю говорить отъ государя, чтобъ патріярхъ тѣхъ робятъ Грязнушу Ушакова и Ѳетку Внукова велѣлъ у себя учить греческой грамотѣ и языку съ радѣньемъ, и держать ихъ у себя въ наказанье, доколе научатца, и воли имъ не давалъ, а уча ихъ, прислалъ бы ко государю; а что ему въ ихъ ученье учинитца протору, и то велить государь ему заплатить» ²⁾.

Благово, въ бытность свою въ Царьградѣ, засталъ тамъ патріарховъ александрійскаго и антиохійскаго. Первый изъ нихъ прислалъ къ нему своего келейника съ рѣчью; съ этимъ келейникомъ былъ у Благово Грязнуша Ушаковъ въ роли, повидимому, толмача ³⁾. Въ грамотѣ своей, посланной царю до возвращенія Благово въ Москву, черезъ одного аѳонскаго старца, патріархъ александрійскій,

¹⁾ Греч. пос. кн. № 2 лл. 41 и об.

²⁾ Тамъ же л. 79 об.

³⁾ «Сношенія Россіи съ Востокомъ» I стр. 148 и 151.

между прочимъ, наставлялъ Ѳеодора Ивановича: «оберегатибъ православной вѣрѣ, что наказателя учинити и училище уставилъ, чтобъ въ томъ училищѣ училися Елиинской учбы, чтобъ оны многихъ божественныхъ книгъ научени были ко всей мудрости Божіей и православной вѣрѣ» ¹⁾).

Какъ видно изъ грамоты царя къ цареградскому патріарху, писанной въ августѣ 1586 г., Ушаковъ въ то время еще находился въ Царьградѣ. Царь писалъ патріарху: «прежъ сего посланъ во Царьгородъ для науки греческова языку человекъ нашъ Грязнуша Ушаковъ, и будетъ онъ греческому языку и грамотѣ наученъ, и тыбъ, святѣйшій патрeархъ, того нашего человека Грязнушу отпустилъ къ намъ съ турскими купцы, которые пойдутъ въ наше государство; а будетъ онъ греческому языку и грамотѣ еще достаточно не наученъ, и тыбъ, святѣйшій патрeархъ, велѣлъ его учити и тѣмъ бы намъ любовь свою оказалъ и, науча греческому языку и грамотѣ, къ намъ его отпустилъ» ²⁾. О Внуковѣ, товарищѣ по ученію Ушакова, царская грамота умалчиваетъ. Не означаетъ ли это умолчаніе, что Внуковъ ко времени написанія царской грамоты умеръ въ Царьградѣ?

Ушаковъ и Внуковъ посланы были для обученія въ Царьградѣ никакъ не позже середины 1582 г., но ранѣе этого времени, и въ 1586 г. въ Москвѣ полагали, что курсъ обученія Ушакова греч. языку въ Царьградѣ могъ быть законченъ.

Греческія посольскія книги открываютъ двѣ посылки Иваномъ IV своихъ подданныхъ въ Царьградъ для изученія греческаго языка: Обрюты Грекова и Грязнуши Ушакова съ Ѳеодоромъ Внуковымъ. Изъ другихъ посольскихъ книгъ за время Ивана IV еще Шведская показываетъ, что по приказу царя двое его подданныхъ обучались шведскому языку съ тѣми же, слѣдуетъ думать, цѣлями, съ какими посылались царемъ Обрюта Грековъ и Грязнуша Ушаковъ съ Ѳеодоромъ Внуковымъ для изученія греческаго языка.

Въ 1573 г. между царемъ и шведскимъ королемъ возникла переписка изъ-за двухъ шведскихъ толмачей, знавшихъ русскій языкъ, которые были задержаны въ московскомъ государствѣ. Ко-

¹⁾ Греч. пос. кн. № 2 л. 107, «Сношенія Россіи съ Востокомъ» 1 стр. 157.

²⁾ Греческ. пос. кн. № 2 л. 173.

роль въ іюнѣ 1573 г. писалъ царю, что будетъ держать у себя гонца его до того времени, пока царь не отпустить «нашихъ служебниковъ и русскихъ толмачей Обрама Никулаева да Власка Пантелеева, кои у тебя въ твоей землѣ въ полону задержаны» ¹⁾. Царь отвѣтилъ королю, что оставилъ Николаева и Пантелеева «въ своемъ государствѣ поучити учениковъ, и одного толмача Власка Пантелеева не стало, а Обрамъ Миколаевъ учить у насъ дву учениковъ свейскому языку, а живетъ безо всякіе нужи, а ваши толмачи прежь сего у насъ въ нашемъ государствѣ нашей русской грамотѣ учивались же, а часа того Обрамъ толмачъ отдѣляется, и мы его тогда къ тебѣ отпустимъ» ²⁾. Царю понадобились учителя шведскаго языка, и онъ задержалъ двухъ толмачей шведскаго короля, пріѣхавшихъ съ шведскими послами въ московское государство, отдавъ учителямъ по неволѣ невольныхъ учениковъ, числомъ двухъ потому, слѣдуетъ думать, что бѣльшее число толмачей, знавшихъ шведскій языкъ, не надобно было царю. Король отвѣтилъ Ивану IV, что послалъ своихъ толмачей въ московское государство съ своими послами, «а не твоихъ подовласныхъ дѣтей учить..., но аще хочеши нѣкоторыхъ твоихъ подовласныхъ дѣтей дати учитися свѣйскому языку, и ты того дѣла, какъ миръ будетъ, вели о томъ дѣлѣ договоръ учинити съ нашими намѣсники Выборскими, чтобъ они освободили нѣкоторыхъ твоихъ сюды въ нашу землю, которые умѣють (sic) учить языка того, а не противъ всякіе правды задержати нашихъ служебниковъ...» ³⁾.

Отпущенъ былъ съ Москвы шведскій толмачъ въ августѣ 1574 г. ⁴⁾. Съ нимъ царь отправилъ королю грамоту, въ которой, между прочимъ, писалъ, что Николаевъ, «будучи въ нашемъ жалованѣ безо всякіе нужи, робятъ нашихъ дву училъ, а самъ Обрамко (Николаевъ) учивался русской грамотѣ въ нашей же отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ». Царь извѣщалъ короля, что отпустилъ было Николаева ранѣе, и Николаевъ доѣхалъ до Орѣшка, но тутъ у него «выняли книги о нашихъ великихъ дѣлѣхъ и многіе наши родо-

¹⁾ «Сборн. Имп. Рус. Ист. Об.» т. 129 стр. 249.

²⁾ Тамъ же стр. 252.

³⁾ Тамъ же стр. 257.

⁴⁾ Тамъ же стр. 259.

словцы и иные наши многіе дѣла повымали у него, а Аврамъ, живучи въ нашемъ государствѣ, тѣ наши великіе дѣла краль ласучствомъ, и потому твой толмачъ Аврамъ дошелъ былъ до смертныя казни; и мы, какъ есть государи крестьянскіе, толмача твоего Аврама смертъ казнити не велѣли есмя, то есмя учинили тебя для, Аврама толмача къ тебѣ отпустили есмя...» ¹⁾. Московскимъ посламъ, въ 1575 г. отправленнымъ на съѣздъ съ шведскими послами, наказано было сказать, если бы шведскіе послы заговорили о задержаніи въ Москвѣ Николаева, что онъ «выписывалъ родство государя нашего и розряды» ²⁾.

Шведскій толмачъ, вздумавшей изучать царскій родословецъ, едва не заплатилъ за такую любознательность головою. Изученіе Николаевымъ именно царскаго родословца можетъ найти себѣ объясненіе въ томъ, что Иванъ IV, по старинѣ, требовалъ отъ шведскаго короля, чтобы тотъ сносился съ царскими намѣстниками въ Новгородѣ. Царь, на требованіе короля имѣть сношенія съ нимъ, а не съ намѣстниками его въ Новгородѣ, писалъ королю въ 1556 году: «на великомъ Новѣгородѣ сидятъ наши бояре и намѣстники *извѣстныхъ прирожденныхъ великихъ государей дѣти и внучата*, а иные Ординскихъ царей дѣти, а иные Полскіе короны и великого княжства Литовскаго братья, а иные великихъ княжствъ Тверскаго и Суздальскаго и иныхъ великихъ государствъ прироженцы и внучата, а не простые люди» ³⁾. О томъ же говорили въ 1557 г. шведскимъ посламъ въ Москвѣ, причемъ имъ сказано было «въ розсудъ, а не въ укоръ», что всѣмъ вѣдомо о государѣ ихъ, «которого онъ роду и какъ онъ животиною торговалъ и въ Свейскую землю пришелъ» ⁴⁾. Тоже говорили въ Москвѣ шведскимъ посламъ въ 1561 году и указывали, что ихъ «короля родъ розчитати не пригоже» ⁵⁾. Естественно, что у шведскаго толмача, которому такіе мотивированные отвѣты на требованія королемъ непосредственныхъ сношеній съ царемъ извѣстны были, явилось же-

¹⁾ Тамъ же стр. 263.

²⁾ Тамъ же стр. 289.

³⁾ Тамъ же стр. 20.

⁴⁾ Тамъ же стр. 39—40.

⁵⁾ Тамъ же стр. 92.

ланіе познакомиться съ царскимъ родословцомъ и разрядными книгами.

Царь въ своей грамотѣ къ королю писалъ, что толмачъ его Николаевъ учился русской грамотѣ въ Новгородѣ. Интересно, что пограничный Новгородъ намѣчался. какъ мѣсто обученія русскому языку, для подданнаго магистра прусскаго ордена во время государственнаго Василия III. Бывшій въ Москвѣ въ 1519 г. посольскій магистръ прусскаго ордена просилъ, чтобы великій князь разрѣшилъ подданному магистру Вулфсангу (Вулкану Погѣ) въ теченіе года-двухъ поучиться русскому языку въ Новгородѣ или Псковѣ у священника ¹⁾. Великій князь разрѣшилъ ²⁾ и велѣлъ послу своему, отправленному въ томъ же 1519 г. къ магистру прусскаго ордена, привезти съ собою Вулфсанга и, если магистръ пожелаетъ, чтобы Вулфсангъ учился русскому языку во Псковѣ, велѣтъ псковскому дьяку, извѣстному Мисюрю Мунехину, чтобы тотъ отдалъ Вулфсанга въ науку русскому языку «священнику добру или дьяку», а если бы магистръ пожелалъ, чтобы Вулфсангъ учился въ Новгородѣ, великій князь велѣлъ отдать его тамъ въ науку тоже «священнику добру или дьяку» ³⁾. Гдѣ именно, въ Новгородѣ или во Псковѣ, обучался русскому языку Вулфсангъ, если магистръ осуществилъ свое намѣреніе, изъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ прусскимъ магистромъ не видно. Магистръ для сношеній съ Василиемъ III нуждался въ толмачахъ и переводчикахъ, отсюда, повидимому, желаніе его обучить русскому языку своего подданнаго.

Греческія и шведскія посольскія книги показываютъ случаи обученія московскихъ людей греческому и шведскому языкамъ по приказу Ивана IV, вслѣдствіе, слѣдуетъ думать, надобности въ толмачахъ и переводчикахъ. Ученики къ ученію назначались.

Отъ времени царя Федора Ивановича извѣстна изъ Турецкой посольской книги посылка московскаго челоуѣка въ Царьградъ для обученія греческому языку, по той-же, должно быть, причинѣ, по

¹⁾ С. И. Р. И. Об., т. 53 стр. 96.

²⁾ Тамъ же стр. 100, 107 и 152.

³⁾ Тамъ же стр. 121.

которой посылались московскіе люди для обученія греческому языку при Иванѣ IV. О посылкѣ московскаго человѣка при Ѳеодорѣ Ивановичѣ въ Царьградъ для изученія греческаго языка извѣстно изъ наказа, даннаго Д. И. Истленеву, отправленному съ Москвы посланникомъ къ турецкому султану въ срединѣ 1594 года. Въ этомъ наказѣ сказано: посланъ съ Д. И. Истленевымъ къ цареградскому патріарху Іереміи «для наученія греческому языку и грамотѣ малой Тараско Елизарьевъ». Истленеву наказывалось, бывъ у патріарха, подать ему грамоту царскую и сказать, что по царскому указу посланъ къ нему «для наученія греческаго языка и грамоты малой Тараско Елизарьевъ, и онъ бы тому малому велѣлъ у себя быти и греческому языку и грамотѣ велѣлъ его учить, а какъ того малого грамотѣ научать, и онъ бы того малого прислалъ со старцы или съ кѣмъ пригоже» ¹⁾).

Отъ той же второй половины XVI в. извѣстенъ случай добровольнаго изученія датскаго языка московскимъ человѣкомъ. Въ извлеченныхъ Ю. Н. Щербачевымъ изъ Копенгагенскаго государственнаго архива русскихъ актахъ находится грамота московскихъ пословъ, и въ ней показаніе объ одномъ русскомъ, отправившемся по своей волѣ въ Данію и для изученія языка. Грамота эта, датированная августомъ 1592 года, писана была датскому королю московскими послами, отправленными съ Москвы въ Колу для разспраиванія. Московскіе послы писали, между прочимъ, королю, что подданный царя Петрушка Лукьяновъ, лѣтъ девять назадъ, выѣхалъ изъ царской отчины Колы «своею волею» для взисканія долга и «для науки нѣмецкаго языка» на кораблѣ съ Брабантскими купцами. Изъ грамоты московскихъ пословъ видно, что Лукьяновъ, «папешной человѣкъ», сначала поѣхалъ въ Антверпенъ, а оттуда въ Данію («на кораблѣ съ Барабанцы съ торговыми людьми, а имянно съ Гансомъ Наблетомъ города Антрфа, тамъ заѣхалъ, а потомъ былъ у отца вашего королевскаго величества»). «Папешной человѣкъ» за поѣздку въ Данію и съ цѣлью изученія языка не мало претерпѣлъ. Покойный датскій король, писали послы въ своей грамотѣ, велѣлъ Лукьянова отпустить въ московское государство, но погра-

¹⁾ Тур. пос. кн. № 3 л. 344 об.

ничный датскій чиновникъ возвратилъ его обратно въ Данію, и Лукьяновъ только послѣ многихъ мытарствъ возвратился въ Колу къ матери и братьямъ своимъ. Московскіе послы указывали королю, что «многіе» датчане пріѣзжаютъ въ московское государство для торговли, изученія русскаго языка «и всякихъ дѣлъ, живутъ по всѣмъ мѣстамъ въ поволности и во чти и въ береженьѣ лѣтъ по пяти и по шти и болши, и назадъ къ себѣ ѣздить безъ всякіе зацѣпки..., и вашебъ корелевское величество по тому же великого государя нашего людей, которые въ вашемъ государствѣ для торговли *или науки нѣмецкаго языка* замѣшкаютъ, неволити ничѣмъ не велѣлъ, а велѣлъ ихъ своимъ приказнымъ людямъ во государя нашего царьскаго величества отчину отпущати безъ всякіе зацѣпки» ¹⁾).

Интересно такое предложеніе датскому королю со стороны московскихъ пословъ. Они, слѣдуетъ думать, имѣли основаніе полагать возможными поѣздки русскихъ людей въ Данію для изученія языка. Потребность въ знаніи датскаго языка для московскихъ людей всего прежде вытекала изъ торговыхъ сношеній съ Даніей ²⁾).

Но во второй половинѣ XVI в., кромѣ случаевъ изученія московскими людьми иностранныхъ языковъ по царскому приказу и по своей волѣ для веденія торговли съ иностранцами, былъ въ Москвѣ извѣстный случай изученія иностранныхъ языковъ изъ любознательности. О немъ въ своемъ «Дневникѣ» свидѣтельствуетъ Маскѣвичъ, бывшій въ Москвѣ въ смутное время. По словамъ Маскѣвича, бояринъ Федоръ Головинъ говорилъ ему о братѣ своемъ, который, имѣя большую склонность къ иностраннымъ языкамъ, тайно обучался нѣмецкому языку у одного нѣмца, жившаго въ Москвѣ; кромѣ того, братъ Головина нашелъ себѣ учителя латинскаго языка въ лицѣ одного поляка, также проживавшаго въ Москвѣ. Маскѣвичъ

¹⁾ „Русская Истор. Библіотека“ т. XVI стр. 275—278. Изд. Археограф. Ком. СПб. 1897 года.

²⁾ По своей ли инициативѣ, подъ вліяніемъ заключеній Лукьянова, московскіе послы просили датскаго короля не задерживать московскихъ людей, пріѣзжавшихъ въ Данію для изученія языка, или по наказу съ Москвы, изъ Датскихъ посольскихъ книгъ не видно.

свидѣтельствуеть, что видѣлъ собственноручные переводы брата Головина съ латинскаго языка на польскій и множество книгъ латянскихъ и нѣмецкихъ, доставшихся Ѳеодору Головину по смерти этого его брата ¹⁾.

В. Савва.

¹⁾ „Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ“ II, стр. 50 и 55—56. Изд. 3. СПб. 1859 г. Маскѣвичъ не называетъ отчество Ѳеодора Головина. Въ Шереметевской книгѣ показано, что Ѳеодоръ Васильевичъ Головинъ сказанъ былъ окольничимъ при царѣ Василіи Шуйскомъ въ 7115 г. (1606—1607) и состоялъ въ окольничихъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ въ 1613 г. („Древн. Рос. Вивл.“ ч. XX стр. 82 и 88. Изд. 2. М. 1791 г.).